

— Не смею, — Мэн Ци не стал раскрывать ответ, а лишь сказал:

— Для заинтересованного человека, который займётся расследованием, найти ответ не составит труда. Лазурная река — это не Янцзы, она не такая широкая. Если восемьсот тысяч моряков взойдут на боевые корабли, это сражение превратится из морского в сухопутное, ведь этот участок реки будет полностью заполнен, корабль к кораблю, без промежутков.

— Откуда вы можете знать размеры и длину судов? — книжник отчаянно пытался возразить. — Неужели вы там тогда были?

— Я, конечно, не был.

Эти слова Мэн Ци удивили Мо Ли.

Однако Мэн Ци говорил правду — в битве на Лазурной реке он не участвовал.

— ...Но все знают одну вещь: когда армия движется, ей нужно везти с собой обоз и провизию, прокладывать дороги через горы и строить мосты через реки. Армия, насчитывающая на бумаге более пятидесяти тысяч человек, на деле может выставить в бой едва ли десять тысяч. В прошлом армия Чу насчитывала четыреста тысяч солдат, но реально их было лишь двести тысяч, а элитных войск и вовсе только пятьдесят тысяч. Эти пятьдесят тысяч включали не только моряков, но и конницу с пехотой, которые разбивали лагерь на берегу. У армии Чэнь, вероятно, было больше солдат, но число непосредственно сражавшихся вряд ли превышало двадцать тысяч. Династия Чэнь уже была на грани краха, и им нужно было оставить войска для защиты городов. Откуда бы они взяли столько людей?

Мэн Ци, как человек, пововавший, мог с чистой совестью сказать: если армия насчитывает по документам четыреста тысяч, то даже с поварами и кухонными работниками наберётся от силы двадцать тысяч — и это ещё честно, без приписок.

Когда-то Мэн Ци, обороняя город, смог представить несколько тысяч человек как несколько десятков тысяч. Это было десятикратное преувеличение.

Армия Чэнь — восемьсот тысяч, армия Чу — четыреста тысяч. На слух разница огромна, но на деле между двумя армиями могла быть разница в тридцать-пятьдесят человек, то есть практически никакой.

Книжник был прижат к стенке и побелел. Его товарищи молчали, но им тоже было стыдно.

Вся компания ушла, понутив головы.

Молодой господин, вдоволь насмеявшись, несколько раз взглянул на Мэн Ци, сложил руки в приветствии и сказал:

— Мой дом — семья Му в восточной части города. Я вижу, что вы человек учёный и знаний, не из простых. Если возникнут трудности, приходите в усадьбу Му.

С этими словами он бросил нефритовую подвеску в качестве залога и, улыбнувшись, сел в карету и уехал.

Мо Ли посмотрел на подвеску и не удержался:

— Станный он человек. Не знает ни вашего имени, ни происхождения, и так запросто знакомится?

— Семья Му — богатейшая в Тайцзине, да и во всей провинции Цинь тоже, — подумал Мэн Ци. Какие уж тут знания его растрогали — просто внешность понравилась, вот и захотел познакомиться.

Хоть династия Чу и пала, её нравы до сих пор не изменились.

Не важно, мужчина или женщина, старый или молодой — все в Тайцзине ценят красоту.

Не то чтобы некрасивым было не пройти, но симпатичным при покупках скидывали несколько лянов.

Мэн Ци не стал говорить, что господин Му, вероятно, дал подвеску, оценив его лицо. Он невозмутимо произнёс:

— У богатых всегда свои причуды.

— ...

Мо Ли хотел сказать, что у Мэн Ци денег нет и характер не ахти.

Выходит, причуды — не вопрос богатства.

— Из-за этого книжника мы и первоначальную тему забыли, — Мо Ли взглянул на наполовину обгоревшую иву. — Эти деревья... Неужели их сожгла отступающая армия Чэнь?

— Верно. Чтобы задержать войска, все поля и дома за стенами Тайцзина были выжжены дотла.

Ивы растут у воды. Хоть и казались обугленными и мёртвыми, на следующий год они пустили новые побеги.

Когда династия Чу отстраивала столицу заново и добралась до этого места, все лишь дивились.

— Тогда ходили слухи, мол, Истинный Сын Неба воссел на престол, и всё вокруг расцвело, горы и реки ожили, — Мэн Ци шёл и говорил.

Дорога Тысячи Ив стала Дорогой Обугленных Ив. За всю династию Чу никто не осмелился выкорчевать эти деревья и посадить новые.

— Не ожидал, что Лу Чжан их сохранит.

Мо Ли думал, что император Ци наверняка выкорчует эти ивы — ведь они символ удачи Чу.

— Кто владеет Тайцзином, тот и Истинный Сын Неба. Чьи это ивы — ещё вопрос! — в уголке губ Мэн Ци дрогнула насмешливая улыбка, он махнул рукой. — Пойдём. Старый предок Цинъю, наверное, уже в Тайцзине, нам нельзя слишком отставать.

Дойдя до конца Дороги Обугленных Ив, они наконец увидели высокие городские стены.

Стены тянулись вдаль, сложенные из крепкого серого камня.

Вот она — императорская столица, стоящая вот уже пятьсот лет, Тайцзин.

Но Мо Ли смотрел не на великий город, а на смутные очертания далёких горных хребтов.

Несколько пиков вздымались друг за другом, высокие и низкие, создавая древнюю, величественную красоту. Сбоку они напоминали дракона, поднявшего голову, что возлег позади Тайцзина.

Гора Заоблачная, в древности звавшаяся Цзуншань.

Цзун — значит «множество пиков, стоящих рядом».

У Цзуншань девятнадцать пиков, воды здесь в избытке, особенно водопадов и чистых источников.

Говорят, в ясный день, войдя в горы, можно увидеть радугу, разделённую на семь цветов, что переливается на фоне густой зелени — зрелище неопишуемой красоты.

Поэты и писатели минувших династий оставили множество стихов, воспевающих её. Её красота видна даже издалека.

Мо Ли невольно шагнул вперёд, желая пойти в сторону гор.

— Эй, молодой человек, в город надо в очередь! — крикнул кто-то рядом.

В Тайцзине было восемнадцать городских ворот, из которых простой народ мог использовать около десяти.

Врата Линьчэн — одни из трёх южных ворот и самые большие. Перед ними лежала знаменитая Дорога Обугленных Ив и павильон Байли.

Повозки выстроились в ряд, другой проход был предназначен для знати и чиновников.

Подойдя к воротам, высокие стены закрыли обзор Мо Ли. Он с сожалением отвел взгляд и встретился с задумчивым взглядом Мэн Ци.

— ...

Неловкость неопишуемая.

Особенно когда Мо Ли заметил, что многие в подъезжающих повозках тоже так задирали головы, разглядывая горы.

Вообще-то, стоять здесь и созерцать горный рельеф даже имело особое название — «наблюдение дракона».

Находились любители, которые бегали к разным воротам, чтобы посмотреть на горы. Вид из самого Тайцзина сильно уступал виду в открытой местности, а находясь в горах, дракона уже не разглядишь. При династии Чу один отчаянный сорвиголова, обладавший отменным фехтовальным искусством, даже пробрался в императорский город и вскарабкался на башню Чэнтянь, чтобы «увидеть дракона». Место высокое, и горы ближе, но форма дракона оттуда была уже не так отчетлива.

Редкий человек, впервые входя в город, не попадал под обаяние Заоблачной горы.

— Вот она, драконья жила. Неспроста Тайцзин столько династий простоял.

— Верно, давно слышал о славе Заоблачной горы, а сегодня увидел — действительно необыкновенно.

Путники вокруг наперебой восхищались. Мо Ли и Мэн Ци смотрели друг на друга, и атмосфера становилась ещё неловче.

В конце концов Мэн Ци первым нарушил молчание, кашлянув:

— Кстати, я уже был в уезде Ма провинции Пин. Казалось, стоит лишь перевалить через одну гору — и вот он, уезд Чжушань, а я так и не увидел доктора...

— Брат Мэн!

Мо Ли инстинктивно перебил его, с странным выражением лица.

Если бы он не остановил, что бы Мэн Ци сказал?

«Не увидел горы Цимао воочию»? Но гора Цимао выглядит совершенно обычной, кроме обилия духовной энергии, ничем от других гор не отличается.

И тут Мо Ли вдруг спохватился.

«Цимао» — древнее название. На самом деле её следовало бы называть Горой Куриных Перьев. Ранее, когда они с Мэн Ци обсуждали это, тот ещё не знал, что он не человек, и что такое драконья жила, так что тот разговор прошёл стороной.

Если бы Мэн Ци добрался до уезда Чжушань, он бы обнаружил, что Гора Куриных Перьев — место с самой мощной духовной энергией в уезде. И тогда факт, что он — драконья жила Горы Куриных Перьев, уже не скрыть!

Как он мог забыть о таком важном и даже думать о том, чтобы потом привести Мэн Ци к господину Циню?

Чрезмерная беспечность, внутренне корил себя Мо Ли.

Мо Ли не умел скрывать перемены в глазах, и Мэн Ци сразу это заметил.

Однако Мэн Ци истолковал это сожаление совсем иначе: «Забавный доктор, что такого в том, чтобы увидеть гору, породившую духа? Судя по записям округа Пин, гор там немало: и Петушиный Гребень в уезде Ма, и Куриные Перья в уезде Чжушань, и ещё пик Сюаньши — голая скала...»

Неужели именно эта чёрная, голая пустынная гора заставляет доктора так нервничать?

Э?

Доктор в истинном облике — рыба, вся чёрная, без единого волоска... Значит...

Гора вся из чёрного камня, ни травинки, и только одно озеро в горах полно жизни?

Кстати, есть ли связь между шерстью в истинном облике и обилием растительности на горе? Мэн Ци изо всех сил старался вспомнить, была ли его шерсть короче, когда он зимой превращался в песчанку. Но в облике песчанки в зеркало смотреться неудобно, да и у воды плохо видно, так что точно не скажешь.

Подумав, что гора, породившая Мо Ли, — лысая, Мэн Ци почувствовал лёгкое сжатие в груди.

Нет-нет, не стоит на этом заикливаться.

<http://bllate.org/book/15299/1351903>